

Следователь Порфирий Петрович

Следователь Порфирий Петрович — не живая личность, а мастерски нарисованный идеал. Такого следователя нельзя встретить в обыденной жизни; это идеальный тип следователя, глубокого психолога, способного читать душу человека. Порфирий играет с Раскольниковым, как с малым ребенком; он искусно доводит Родиона до того, что последний своими неумелыми стараниями отвлечь от себя подозрение, раскрывает перед ним все свои карты. Затем следователь великодушно отказывается от трофеев своей победы и советует своей жертве явиться с повинной, говоря, что это несравненно выгодней для последнего. Все это он делает вполне искренно.

По Н. Дюнькину, А.Новикову, И. Глебову

Следователь Порфирий Петрович выведен в романе, как специалист и виртуоз следственных дел, который с наслаждением артиста и с систематичностью ученого-психолога погружается в интересные казусы преступлений. Автор сильно шаржировал этот характер и сообщил ему складку некоторой мелодраматической выдумки; он слишком уж пространно и глубокомысленно рассуждает и относится к своим «пациентам», слишком непохоже на то, как это бывает в житейской действительности. Его немного жестокая игра с заподозренным преступником, напоминающая игру кошки с мышью, кажется иногда мало естественной и почти всегда — ненужной.

Тем не менее его разговоры, взгляды, самый вид его производят на Раскольникова такое же подавляющее влияние, какое леденящий взгляд змеи и ее разинутая пасть производят на трепещущего перед ним кролика.

Фигура Порфирия Петровича имеет нечто общее с Жавером, известным героем в «Les Misérables», этим безжалостным, вечно молчащим, но насквозь все видящим, всюду неудержимо и незримо проникающим сыщиком... Сыщик Виктора Гюго гораздо бесчеловечнее и суровее по натуре, чем герой Достоевского, но тем не менее они похожи друг на друга по своей роли преследователя, неумолимого, как рок.

Раскольников, как ни бьется, наконец, пасует, перед страшным врагом, который так ласково говорит с ним и так уверенно смотрит в его душу, словно он сам сидел в ней.

Его систематическое самоуверенное преследование, его откровенные разъяснения Раскольникову всех подробностей той западни, в которую он ловит его и в которую непременно и очень скоро его поймает, окончательно подрезают Раскольникова и больше всего побуждают его предпочесть скорый решительный конец этой безжалостной медленной травле, исход которой все равно неизбежен, все равно заранее известен.

Вот, например, отрывок из одной беседы этого оригинального охотника со своей намеченной жертвой:

«...А то вот еще: убил, да за честного человека себя почитает, людей презирает, бледным ангелом ходит, — нет, уж какой тут Миколка, голубчик Родион Романыч, тут не Миколка!

Эти последние слова, после всего прежде сказанного и так похожего на отречение, были слишком уж неожиданны. Раскольников весь задрожал, как будто пронзенный.

— Так... кто же... убил?.. — спросил он, не выдержав, задыхающимся голосом. Порфирий Петрович даже отшатнулся на спинку стула, точно уж так неожиданно и он был изумлен вопросом.

— Как кто убил?.. — переговорил он, точно не веря ушам своим, — да *вы* убили, Родион Романыч! Вы и убили-с... — прибавил он почти шепотом, совершенно убежденным голосом».

По Е. Маркову

Следователь Порфирий неподражаем; он выполнен в совершенстве; ни одной черточки не прибавить, не убавить; совершенно живой человек; а взглядеться в него попристальнее — и обнаруживается, что таких людей нет. Идеал, да еще какой! Идеал следователя, глубочайшего знатока по своей части, психолога, одаренного самым тонким психологическим чутьем, видящего людей насквозь и читающего их души, как открытую книгу! Порфирий играет с Раскольниковым, как с малым ребенком; не имея в руках ни одной улики, за которую он бы мог ухватиться, он доводит противника до того, что тот, как обожженная муха, кружится вокруг огня и наконец попадает в него. Раскольников сам, без приглашения, лезет к нему и, пытаясь скрыть игру, напротив, открывает ему одну за другой все карты. Уже одно это сделало бы величайшую честь любому следователю; но и это еще не все. Совершенно замотав Раскольникова, победитель великодушно отказывается от трофеев своей победы. Он не хочет его гонять и травить, как зайца, да ему это и не нужно. Он говорит ему прямо и совершенно искренно: вы в моих руках, но я вас жалею по-человечески и хочу вам помочь, насколько это возможно. Мой дружеский вам совет: поймите, что вам больше нечего делать, и явитесь с повинной; это будет вам бесконечно выгоднее.

По Н. Ахшарумову

Гениальная фигура следователя Порфирия Петровича невидимо и неразрывно связана с реформами и журналистикой эпохи. Это виртуоз психологического следствия, считающий, что дело следователя — «в своем роде искусство», действующий на Раскольникова не только логикой и ловкой игрой, а в последней беседе — и моральным воздействием, отказывающийся от славы, которую может дать ему раскрытие громкого преступления, в целях облегчения участи Раскольникова, относящийся к своим подследственным с внимательной симпатией и даже искренним чувством («я этого Миколку полюбил»). Всеми этими чертами художника и гуманиста Порфирий отвечает актуальнейшему заданию судебной реформы, как это понимал Достоевский: выработать вместо «пристава следственных дел», прежнего чиновника и взяточника, новый тип культурного следователя, непосредственного сотрудника и помощника судьи, призванного заменить отжившего спутника старого инквизиционного процесса.

Это была одна из первых реформ, вызвавшая к себе повышенное общественное внимание. Одним из крупных зол внутренней жизни России в николаевское время была крайняя примитивность следствий по уголовным делам, производившихся временными отделениями земских судов и становыми приставами. Несовместимость судебных действий с обязанностями полицейского чиновника, то есть власти исполнительной, приводила к тяжелым злоупотреблениям. Необходимо было отделить следственную часть от обязанностей полиции. И вот уже 3 июня 1860 года, то есть до проведения крестьянской, судебной и прочих реформ, была начата так называемая «полицейская реформа»: следственная часть была изъята из ведения полиции и сосредоточена в новой должности судебных следователей, сменивших прежних.

Порфирий Петрович в романе и является художественным воплощением надежд начала 1860-х годов на нового совершенного следователя. Он получил не только высшее, но даже привилегированное образование в училище правоописания, он литературно начитан (ссылки на Гоголя), он поддерживает связь со студенческими кружками и, несмотря на свои тридцать пять лет, пристально следит за новейшими идеями и настроениями. А главное, это не заурядный полицейский чиновник, а выдающийся ум, способный поднять проблему «дознания» на исключительную высоту диалектики и логики. Столкнувшись с философской мыслью Раскольникова, он определяет молодого преступника — «это сильный боец», но поистине так же мог определить своего противника в следственном поединке и сам Раскольников.

Сложный план Порфирия — держать убийцу в постоянном состоянии тревоги под угрозой надвигающегося разоблачения, чтоб довести эту нервную натуру до того состояния раздражения, когда она с головой выдаст себя, — проводится им с исключительной тонкостью, точностью и быстротой. Ему достаточно трех бесед с Раскольниковым, чтобы довести дело до логического конца и вызвать нужный ему результат — явку преступника в полицию с повинной. Заключительные слова — «Это я убил тогда старуху-чиновницу» — являются поистине блестящим следственным завершением виртуозной игры Порфирия, сумевшего тонкими беседами и философскими диспутами, помимо всяких формальных дознаний и опросов, добиться самого полноценного эффекта, на какой только может рассчитывать суд. При этом он остается до конца «человечным», с глубоким участием относится к своей жертве и, расставаясь с Раскольниковым, находит живые и проникновенные слова моральной поддержки и утешения. Это тот идеальный следователь, который несколько иллюзорно рисовался воображению публицистов и судебных деятелей начала 1860-х годов («будьте людьми, господа, а не чиновниками...» и пр.). И, быть может, Достоевский с тем большим художественным вниманием изображал своего следственного психолога, что к середине 1860-х годов иллюзии рассеялись и для разочарования накопилось немало новых жизненных фактов. В судебные следователи и после реформы попадали преимущественно люди без всякого образования, увеличивая число «становых приставов» и продолжая традиции старинного розыска. Это крушение общественных надежд на «идеального следователя» и вызывает в романе законченный образ совершенного мастера и виртуоза следственных дел.

По Л. Гроссману